

Селим Хан-Магомедов

XX век в структуре тысячелетий*

Чем дальше уходит от нас первая треть XX века, тем все больше проблем возникает в оценке этого периода в развитии мировой архитектуры. Главный вопрос – почему этот короткий период вот уже многие десятилетия привлекает внимание не только исследователей – историков и теоретиков, но и творцов – художников и архитекторов? Остановлюсь лишь на пяти проблемах.

Проблема первая – рождение второго интернационального суперстиля

В первой трети XX века европейское искусство было чревато рождением нового стиля. Процессы его рождения были явно связаны с формальной эволюцией художественного авангарда, начиная с импрессионизма. Причем решающую роль играли те формообразующие процессы, которые были ориентированы на формирование стиля в масштабе всех пространственных искусств. Решающую роль в рождении и формировании нового стиля сыграли два течения – конструктивизм и супрематизм. (...) Проблемы формирования нового архитектурного стиля имели два уровня: 1) стилиобразующие процессы как формальное противостояние эклектике, модерну, неоклассике, неорусскому стилю и т. д.; 2) заказ эпохи на создание принципиально нового интернационального стиля, сопоставимого не с конкретными “историческими” стилями, а с художественно-композиционной системой, являющейся основой ряда стилей. Речь шла о создании некоего глобального стиля, вернее суперстиля, стоящего над обычными стилями и сопоставимого с классическим античным орденом.

Рождение глобального интернационального суперстиля – это редчайшее явление в развитии мирового искусства. За последние три тысячи лет развития мировой архитектуры – это всего лишь второй случай. Первый такой суперстиль зародился и сформировался в Древней Греции, – назовем его условно античный классический суперстиль. А второй суперстиль родился в первой трети XX века на глазах изумленных современников, большая часть которых так и не поняла, свидетелем чего они были. Лишь художники с уникальным стилиобразующим талантом адекватно отреагировали на социальный заказ эпохи и внесли свой вклад в рождение второго интернационального суперстиля. В нашей стране – это К. Малевич, В.

Татлин, Л. Лисицкий, К. Мельников, А. Веснин, Н. Ладовский, И. Леонидов и некоторые другие. Нельзя без удивления оценивать ту роль, которую играет культурное наследие античной Греции в развитии европейской цивилизации.

Поражает все, а прежде всего то обстоятельство, что в античной Греции, пожалуй, впервые за всю предшествующую историю человеческой цивилизации с такой жесткой определенностью была создана общечеловеческая модель общества (в том числе и культуры). Прошло более двух с половиной тысячелетий, а античность в отличие от культурного наследия других эпох и регионов, воспринимается нами сейчас как нечто современное. Современному человеку не требуется особых усилий, чтобы адаптироваться к культуре Древней Греции. (...) Классический античный ордер в высшей степени обладает качествами универсальной формообразующей системы. Можно сказать, что до XX века в истории мировой архитектуры не было другой формообразующей системы, которая могла бы соперничать с классическим (античным) орденом по степени рациональной универсальности. Классический ордер, сначала в европейской культуре, а затем и в более обширном регионе стал восприниматься как некий эталон профессионального архитектурного языка.

В первой трети XX века в недрах художественного авангарда происходили сложные формообразующие и стилиобразующие процессы зарождения второго интернационального суперстиля. Опираясь на достижения левого изобразительного искусства и научно-технический прогресс, новый стиль в двух основных составляющих его концепциях формообразования (супрематизма и конструктивизма) начинал с того, что добрался до первоэлементов форм (геометрических и конструктивных). Новый стиль как бы счищал со средств художественной выразительности все накопившиеся за века и тысячелетия семантические надбавки, несущие в себе символические, этнические, культовые, региональные, личностные и временные характеристики. Только так, оголившись до предела, новый суперстиль на заре своего становления сумел преодолеть этнические и региональные границы и приобрести универсальный интернациональный характер. В таком виде новые формы (в том числе супрематические и конструктивистские) не воспринимались в различных этнических, региональных, конфессиональных и иных зонах как чуждые; они были как бы стерильными и легко входили практически в любую культуру. Однако на протяжении всего XX века неоклассика (разновидность все той же класси-

* Сокращённый вариант доклада 18. Апреля 2006 г. в клубе Зуева в Москве.

ческой ордерной системы) как некий кошмар сопровождала и по сей день сопровождает новый стиль, то, уходя в тень, то, выходя на авансцену и угрожая ему (“пролетарская классика” И. Фомина, работы О. Пере, Боффила и др.).

В целом же в мировом масштабе новый стиль, победно пройдя все пороги, вышел на уровень глобального суперстиля, относительно легко преодолев сопротивление неоклассики и ее претензии на ту же роль. Но диалог этих двух универсальных стилевых систем еще далеко не окончен. Новый суперстиль продолжает достраивать свою художественно-композиционную систему и, видимо, для него весь XX век был периодом архаики (как храм в Пестуме для греческой дорики). Итак, в XX веке, как когда-то в VI–IV веках до нашей эры в Древней Греции, была создана универсальная художественно-композиционная система (формальная основа второго интернационального суперстиля). Но если античный классический ордер (формальная основа первого интернационального суперстиля) вышел на универсальный уровень, обогащенный архитектурным декором, то новый стиль прорвался на этот уровень, сбросив с себя весь декор.

Возникает вопрос – как сложится в третьем тысячелетии соотношение ордерной и авангардной художественно-композиционных систем, т.е. первого и второго интернациональных суперстилей? Классический ордер доказал свою живучесть на протяжении более двух с половиной тысяч лет. Новый стиль успешно прошел через XX век. Что их ожидает в будущем? (...) Мало вероятно, что одна из этих систем вообще отомрет раз и навсегда. Ведь это же уникальные, универсальные художественно-композиционные системы, которые легко адаптируются в любой региональной культуре. В этом отношении у них нет соперников. Итак, многие из нас еще застали процессы формирования в XX веке нового интернационального суперстиля. И мы должны помочь историкам и реставраторам отобрать те осуществленные объекты новой архитектуры, которые связаны, во-первых, с годами формирования нового стиля (это первая треть XX века) и, во-вторых, с десятилетиями развития нового стиля и обогащения палитры его средств и приемов художественной выразительности. Необходимо создать единый список наиболее важных памятников архитектуры нового стиля и найти реальные формы их охраны, консервации и реставрации. Время еще есть, но скоро будет поздно, особенно в нашей стране.

Проблема вторая – Нереализованное наследие

На первоначальном этапе становления любого нового стиля, как правило, интенсивность генерирования формообразующих идей резко возрастает. За короткий срок появляется столько новых творческих идей,

что их количество во много раз превышает практические возможности их реализации на этапе становления нового стиля. Большая часть из них остается в виде нереализованного наследия, из которого затем последующие поколения художников непрерывно черпают творческие идеи. (...) Но в этом нереализованном наследии первоначального этапа развития стиля, как правило, содержатся такие формообразующие идеи, которые важны для последующих этапов развития данного стиля. Особенно для таких этапов, когда в развитии стиля возникают кризисные ситуации в области формообразования, когда появляются симптомы канонизации средств и приемов художественной выразительности и когда ставятся под сомнение потенциальные возможности стиля генерировать новые формообразующие идеи. На таких этапах возрастает внимание исследователей, художников и архитекторов к нереализованному наследию этапа становления данного стиля. (...)

За прошедшие десятилетия XX века творческое наследие основных западноевропейских центров формирования нового стиля было введено в научный и творческий обиход и широко использовалось, его формообразующие потенции во многом практически уже исчерпаны. Иное положение с наследием отечественного искусства 1920-х годов. Оно позже стало вводиться в широкий обиход и еще продолжает вводиться. Поэтому в нем заключено большое количество еще не использованных потенциальных возможностей формообразования.

Анализ стилеобразующих процессов в предметно-пространственной среде XX века позволяет выдвинуть такую гипотезу: современный стиль, с точки зрения широты амплитуды художественных поисков, имеет как бы два основных пика – на этапе становления и на этапе завершения формирования развитой художественно-композиционной системы средств и приемов выразительности. Период между этими двумя этапами характеризуется сужением амплитуды формально-эстетических поисков, концентраций усилий на выработке стилевого единства. (...) А если это так, если нереализованное наследие – это не отсев, а важнейшая часть процессов формообразования и стилеобразования, то необходимо включать нереализованное наследие (эскизы, проекты, модели) в общий массив архитектурных произведений, распространять на них мероприятия, связанные с выявлением, охраной, консервацией, реставрацией, моделированием и т.д.

Больше того, пора поставить вопрос о тщательном отборе объектов из нереализованного наследия на строительную реализацию архитектурных шедевров. Почему проекты Райта реализовались после его смерти (музей Гуггенхайма), а проблемы реализации проектов Леонидова или Мельникова даже не обсуждают. В Москве строят чуть ли не 100 высотных зданий, а о шедеврах авангарда забыли. Сейчас техника позво-

ляет построить Башню Татлина. Например, вместо гостиницы “Москва”. А для Наркомтяжпрома и Института Ленина Леонидова, проекта небоскреба Кринского и серии небоскребов мастерской Ладовского во ВХУТЕМАСе (один из которых стал образцом для небоскреба в Чикаго) тоже можно найти место среди 100 небоскребов. Все эти проекты 1920-х годов есть в моей книге *100 шедевров архитектуры советского авангарда*. На днях мне звонил из США сын Лисицкого (он кинооператор) и сказал, что его давно интересует проблема осуществления проекта его отца “Горизонтальные небоскребы”. Лисицкий предлагал их соорудить на пересечениях бульварного кольца с радиальными улицами. Он планировал построить восемь таких сооружений. Места для них до сих пор не заняты. Давайте построим хотя бы один такой офис. Например, у Никитских ворот – есть фотомонтаж Лисицкого и подробные чертежи.

Проблема третья – всемирно-исторический социальный эксперимент

Социальные эксперименты советских архитекторов 1920-х годов представляют не меньший интерес, чем их формально-эстетические поиски и находки. Они входят составной частью в то огромное по объему наследие (в том числе и нереализованное), многое из которого еще предстоит ввести в творческий и научный обиход. По поводу социально-типологических экспериментов 1920-х годов (прежде всего по проблемам социалистического расселения и перестройки быта) существуют различные точки зрения. Крайние из них, – это с одной стороны, признание поисковых проектов творческим предвидением нового общества, а с другой – оценка этих проектов как заведомо ошибочных и не связанных не только с будущим, но и с социальным заказом своего времени.

А между тем мы имеем огромный, еще не достаточно изученный массив поисковых проектов. В них не только провозглашались идеи предметно-пространственной и объемно-планировочной организации нового общества, но и на высоком профессиональном уровне были разработаны конкретные принципиально новые в социальном отношении типы поселений, жилых и общественных зданий, в которых, как тогда считалось, и должна была протекать жизнь нового общества. Это соцгорода, жилкомбинаты, парки культуры и отдыха, пионерские лагеря, дома-коммуны, дома переходного типа, квартал-коммуна, город-сад, поселок-сад, город-линия. Рабочие клубы, дворцы труда, дворцы культуры, дома и городки отдыха, избы-читальни, дома советов, театры массового действия, фабрики-кухни, бани-бассейны, планетарии, районные термы, рабфаки, политехнические школы.

Возникает естественный вопрос: если многие из этих экспериментальных проектов (в том числе и осу-

Селим Хан-Магомедов, *Архитектура советского авангарда*, Книга первая, Проблемы формообразования. Мастера и течения, Москва 1996. Обложка

ществленные) мы сейчас с очевидностью относим к заведомо неперспективным, то как могло произойти массовое увлечение советских архитекторов их разработкой в 1920-е годы? Что это было – всеобщее профессиональное заблуждение наших архитекторов или все-таки архитекторы выполняли социальный заказ нового общества? Анализ поисковых проектов с учетом проблемной социально-психологической ситуации 1920-х годов свидетельствует, что сама общая функционально-типологическая направленность проектных поисков была вызвана или конкретным социальным заказом, или провоцировалась социально-психологическим климатом той эпохи. Например, массовое возникновение бытовых коммун предшествовало проектной разработке и строительству домов-коммун.

В настоящее время в перспективе прошедших лет мы видим, что многое в социально-типологических экспериментах 1920-х годов имеет качества утопий. И это не случайно. Как выяснилось сейчас, сама ортодоксальная модель социализма содержала в себе утопические элементы. (...) Причем нельзя забывать, что именно наша страна, игравшая роль первопроходца во всемирно-историческом процессе формирования нового общества, как бы поставила эксперимент на себе, проверяя жизнеспособность тех или иных положений ортодоксальной модели социализма.

Первопроходцы навсегда остаются первыми. В этом уникальность нашего опыта построения социалистического общества со всеми его достижениями, противостояниями, недостатками и даже извращениями.

(...) Поучительность первого опыта социалистической перестройки быта состоит и в том, что эксперимент был доведен до проектной (архитектурной и дизайнерской) проработки и даже до реализации на практике ряда проектов (дома-коммуны, рабочие клубы, фабрики-кухни, бани-бассейны и др.). В этом его огромная ценность. Человечество всегда будет изучать первый опыт общемирового процесса реального строительства социализма и тщательно анализировать этап 1920-х годов в нашей стране. (...)

Несмотря на критическое отношение ко многим формулировкам теоретических деклараций и к проектам, в которых нашли отражение коллективистские и уравнилельные тенденции, важно видеть в этих тенденциях и отражение реальных условий первых послереволюционных лет. Едва ли следует забывать, что в коллективизме многие светлые умы человечества видели краеугольный камень будущего общества. Реальный социализм во многом извратил принципы социализма, вызвал к ним повышено критическое отношение. Однако на любом этапе отношения к идее коллективизма (от восторженно позитивного до повышено критического) будет необходимо изучать связанные с ней теоретические концепции и опыт их реализации в проектах и в постройках. (...)

За всю историю человечества не было другого такого этапа в развитии цивилизации, когда идея коллективизма в короткие сроки была бы подвергнута такой интенсивной и пристрастной проверке, в которой на равных участвовали теоретики, проектировщики и те, кто, образно выражаясь, ставил эксперимент на себе (жил в городских и сельских коммунах). Анализ всего того, что написано за прошедшие десятилетия (нашими и зарубежными авторами) о социально-типологических поисках сторонников советского авангарда, показывает большой диапазон нередко противоречащих друг другу оценок (ростки социализма, забегание вперед, ошибки, извращения и т. д.). В целом создается впечатление, что мы еще не в состоянии в полной мере оценить тот всемирно-исторический эксперимент, который на глазах изумленного мира поставил на себе наш любознательный народ на первом этапе строительства нового общества, пытаясь ускоренными темпами реализовать вековую мечту человечества о социальной справедливости. Не будем спешить с окончательной оценкой социально-типологических экспериментов 1920-х годов. Давайте выявим, тщательно сохраним и введем в творческий и научный обиход все, что еще не утрачено безвозвратно, понимая, что другого такого столь же масштабного эксперимента в истории человечества, видимо уже не будет. Предоставим потомкам возможность самостоятельно, без наших подсказок судить о значении и роли этого эксперимента. Ведь нам неизвестно, что именно в будущем человечество захочет использовать из этого уникального опыта первопроходцев социализма.

Наша задача состоит в том, чтобы те, кто захочет в третьем тысячелетии разобраться в потенциальных возможностях социальных экспериментов советского архитектурного авангарда, имели полное представление о них, получили бы обширные и неискаженные проектные и текстовые материалы и особенно постройки. Не следует забывать, что архитектурное наследие нашего социально-типологического эксперимента принадлежит всему миру, поэтому его сохранение является не только нашей патриотической задачей, но и нашим интернациональным долгом. К сожалению, мы плохо выполняем этот интернациональный долг. Стремительно ветшают и разрушаются многие постройки 1920-х годов даже в Москве – клубы и гаражи Мельникова, дом переходного типа Гинзбурга, дом-коммуна Николаева и др. Еще не поздно, еще многое можно спасти, но необходимо, чтобы была разработана программа консервации и реставрации памятников архитектуры авангарда в Москве. Благо есть с чего брать пример – блестящая реставрация (с частичной реконструкцией) московского планетария, которую завершает А. В. Анисимов. Жаль, если этот опыт будет утрачен. Было бы рационально после завершения работы на планетарии задействовать этих же проектировщиков и строителей на других авангардных объектах.

Проблема четвертая – качество строительства в эпоху авангарда

Массовое строительство промышленных, жилых и общественных зданий развернулось в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.). Ускоренная индустриализация предполагала строительство крупных заводов и фабрик и связанных с ними соцгородов и жилых комплексов. Но вскоре выяснилось, что средств и дефицитных строительных материалов хватает только на индустриальное строительство. Было решено максимально сократить использование в жилищном строительстве цемента, металла и кирпича, заменив их, где возможно, другими материалами, а также максимально сократить использование в новом жилищном строительстве таких элементов оборудования, как ванны, раковины, унитазы и т. д.

Перед архитекторами и инженерами была поставлена задача резко уменьшить использование в жилищном строительстве так называемых тяжелых материалов и массивных конструкций и отдавать предпочтение легким дешевым материалам, облегченным и удешевленным конструкциям, не обращая внимания на их короткие амортизационные сроки. Были разработаны дешевые строительные материалы, которые в массовом порядке внедрялись в строительство. Всячески поощрялось использование в строительстве местных, бездефицитных, легких и безобжиговых материалов: разные сорта леса, синте-

тические материалы на базе утилизации и рационального использования отходов индустрии и сельского хозяйства: шлако- и пемзобетонные блоки, месонит, фибролит, торфолеум, соломит, инсорит, камышит, шевелин, силикат – органики, диатомит, трепелы, шлаки и т. д. Практика показала, что у многих из этих материалов весьма короткие амортизационные сроки, что они звукопроводны и легко впитывают влагу. Жилые дома, где они были использованы, стали быстро ветшать и разрушаться. В основном это были двух-трехэтажные общежития, которые в послевоенные годы стали в массовом порядке сноситься.

Но среди этого жилья были и экспериментальные постройки, представляющие большую историческую ценность. Среди них два дома архитектора Гинзбурга в Москве, которые находятся сейчас в аварийном состоянии. В доме в Ростокино, состоящем из трех корпусов, уже снесен один корпус; в доме на Новинс-ком ситуация близка к катастрофе. А между тем это один из самых известных домов-коммун нашего архитектурного авангарда. Его судьбой сейчас озабочены не только отечественные, но и многие зарубежные архитекторы и историки. В процессе реставрации потребуются серьезная работа по замене уже давно отслуживших свой срок материалов и конструкций: пустотелые шлакобетонные камни, легкие заполнители (засыпка шлаков и т. д.), фибролитовые плиты, фанерные двери, брезент (прокладки оконных рам), войлок.

Со строительными материалами и конструкциями больше повезло второму знаменитому дому-коммуне в Москве – арх. И. Николаева. На стройку, минуя все запреты, тогда удалось завести большое количество металлических конструкций. Кто-то из московского начальства увидел на стройплощадке много заготовленного металла и сигнализировал в газету *Правда*. Известному журналисту Михаилу Кольцову поручили разобраться. Он публикует в августе 1930 г. фельетон “Акробаты к стати” в *Правде*, где сравнил архитектора Николаева с известным тогда прыгуном В. Лазаренко – дескать, “прыжок в социализм”. Фельетон в *Правде* для многих заканчивался тогда путевкой в Магадан. Как рассказывал мне И. Николаев, после публикации фельетона он больше месяца держал у входной двери узелок с вещами, вздрагивал от каждого звонка. Друзья архитектора, встречая его, удивлялись, что он еще на свободе. Но как-то пронесло. Да и дом-коммуна оказался прочным – стальной каркас выдержал даже прямое попадание бомбы в годы войны (бомба пробила все этажи, но не взорвалась). Как рассказывал мне Николаев, он и инженер проектировщик действительно заложили в проект очень много металла, предусмотрев большой запас прочности, так как были неопытны и просто перестраховались (на всякий случай). Отсюда и реальный перерасход металла. Но сейчас это поможет реставраторам использовать существующие конструкции (стальной каркас).

Проблема пятая – всегда ли целесообразно использовать памятники архитектуры по назначению?

Ценность произведений советской архитектуры 1920-х годов определяется историко-социальной неповторимостью периода и наличием в них не только художественных достоинств, но и функционально-типологических элементов, характерных для новых в социальном отношении зданий. При определении характера функционального использования памятников архитектуры прошлых эпох учитывается необходимость максимально возможного сохранения их пространственно-планировочного решения. Казалось бы, в этом отношении можно не волноваться, так как подавляющее большинство зданий, построенных в XX веке, используется по их первоначальному назначению (жилище, клуб, гараж и др.). Поэтому, на первый взгляд, нет оснований для беспокойства за их сохранность, ибо вроде бы использование памятника архитектуры по прямому назначению – это лучшая гарантия его сохранения. Однако по мере изменения потребностей пользователя эти постройки постепенно нередко радикально перестраиваются и переоборудуются, не меняя своего функционального назначения. Дело в том, что многие из числа наиболее интересных по пространственно-планировочному решению сооружений 1920-х годов возводились по функциональной программе, которая отражала специфический социальный заказ тех лет и в дальнейшем существенно изменилась, т.е. она перестала соответствовать построенному в 1920-е годы зданию. Например, такая ситуация сложилась с функциональным использованием домов-коммун и домов переходного типа. Жильцы приспособливают жилые ячейки для сегодняшних потребностей своей семьи, искажая структуру жилища. А между тем построенные в 1920-е годы дома-коммуны отражают этап интенсивных поисков нового в социальном отношении типа жилища. Очень важно сохранить наиболее интересные и характерные из этих сооружений для будущих поколений. Использовать эти жилые дома (дома-коммуны, дома переходного типа) для современных нужд необходимо таким образом, чтобы новые функции не требовали коренного изменения исторически возникшего пространственно-планировочного решения зданий, которые были рассчитаны на специфический хозяйственный уклад преимущественно бесхозяйных жителей, создававших бытовые коммуны (в частности молодых рабочих, рабфаковцев, студентов).

Кстати построенные дома-коммуны были двух типов – полного обобществления быта (все бытовые процессы обобществлялись – в том числе приготовление и прием пищи) и переходного типа (наряду с общей столовой в жилых ячейках предусматривались кухонные шкафы). Для первого типа характерен дом-коммуна в Ленинграде, построенный для кооператива

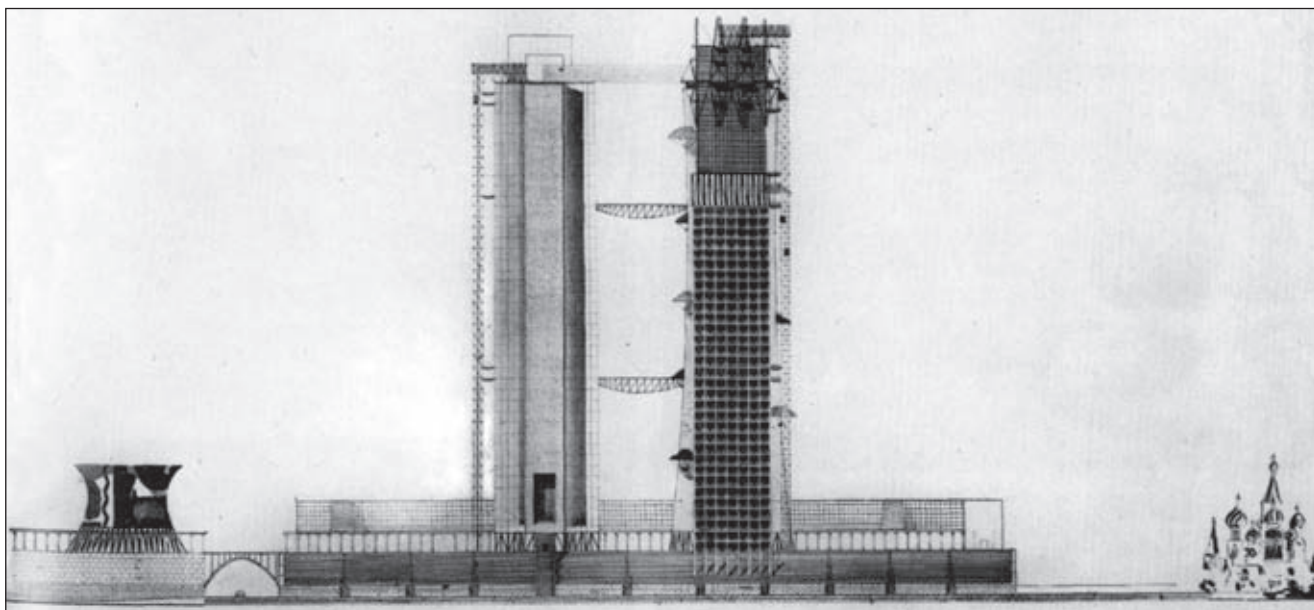
инженеров и писателей, которые сами разрабатывали программу дома. Жилые ячейки – без кухонь и передних (кухня, столовая, передняя с вешалкой, общая комната отдыха, детская комната – все это было на первом этаже). Появление детей превратило жилые ячейки в кошмар – готовили на подоконниках. Этот дом в Ленинграде называли “слеза социализма”. Для второго типа характерен дом на Новинском бульваре в Москве. В нем в жилых ячейках все было в сокращенном виде: вместо кухни – кухонный шкаф, вместо ванной комнаты – душевая. Но в доме функционировала столовая и детский сад.

Чтобы сохранить сейчас объемно-пространственную структуру этих сооружений, важно приспособлять их для размещения людей не склонных к ведению полноценного домашнего хозяйства, а предпочитающих широко пользоваться услугами сектора общественного обслуживания. Следовательно, дома-коммуны можно использовать в качестве гостиниц (для любознательных туристов), профилакториев, общежитий для студентов и аспирантов и т. д. В 1920-е годы сооружено немало общественных и коммунально-бытовых построек. Как правило, это были комплексные по функциональному назначению здания, отражавшие определенный этап формирования системы новых общественных организаций и учреждений, недифференцированность самих функций еще только рождавшейся системы культурно-бытового обслуживания населения.

Еще один пример. Рабочие клубы (в том числе клубы Мельникова и Голосова) в 1920-е годы строились на средства профсоюзов предприятий или городских районов. Каждый член конкретного профсоюза мог беспрепятственно войти в свой клуб и участвовать в его различных мероприятиях, посещая залы (кино, самодеятельность), аудитории, кружковые ком-

наты. Такое использование клуба отражалось и в его планировочно-пространственной структуре (все открыто для всех). Но вот клубам спустили финансовый план и предложили кроме своих профсоюзных дел заняться коммерческим прокатом кинокартин. И сразу обнаружились «изъяны» в планировке всех клубов – не было кассового вестибюля, не было фойе, отделенного от остальных помещений клуба, не было отдельных лестниц, входов и выходов, разделяющих потоки зрителей, идущих в зал и выходящих из зала. Эти претензии предъявляли Мельникову администраторы клуба, когда мы с ним в 1965 г. посетили все клубы. Так было и со многими другими типами зданий, построенными в 1920-е годы.

Все эти обстоятельства чрезвычайно осложняют задачу сохранения и использования многих построек 1920-х годов. Большинство из них уже существенно перестроено и продолжает перестраиваться. А между тем, с историко-архитектурной точки зрения, наибольшую ценность в них представляет пространственно-планировочная структура, отвечающая характерной для того времени архитектурной программе. Думаю, что всевозрастающее внимание архитектурной общественности многих стран к охране памятников архитектуры XX века не останется без последствий. Будем надеяться, что кроме разговоров будут разработаны практические мероприятия защиты памятников от разрушений. Было бы, например, целесообразно иметь некий фонд, обладающий средствами, юристами и квалифицированными реставраторами (что-то типа культурного МЧС), который в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, грозящих утратой памятника архитектуры, имел бы права и практические возможности предотвратить утрату. А при необходимости и возродить памятник архитектуры.

И. Леонидов. Наркомтяжпром в Москве. Конкурсный проект, 1934. Фасад.